

УДК 930.01

Б.Г. Могильницкий**МАКРО- И МИКРОПОДХОДЫ В ИСТОРИЧЕСКОМ
ИССЛЕДОВАНИИ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ РАКУРС)**

Рассматриваются отличительные черты макро- и микроподходов в изучении истории, их достоинства и недостатки. Особое внимание уделяется антропологическому повороту в истории. В этом ракурсе характеризуется полидисциплинарная технология исторического анализа на базе методов, фокусируемых в сфере бессознательного.

Ключевые слова: методология истории, историография, историческая антропология.

При всем многообразии способов истолкования первопричин движения истории отчетливо выделяются два главных подхода: макро- и микроисторический. Первый из них являлся магистральной линией историописания вплоть до последней трети прошедшего столетия. Выступая в разных обликах, он выражал доминирующие представления о движущих силах исторического развития. В различные эпохи и в разных социально-исторических координатах они понимались по-разному – от божественного предопределения до диалектики производительных сил и производственных отношений. Но всегда образ истории рисовался крупными мазками, запечатлявшими ее целеположенное движение к финалу, будь то второе пришествие Христа, Царство Разума, коммунистическое общество или любое другое априорно провозглашаемое состояние.

Наиболее весомые результаты макроисторический подход продемонстрировал в XIX в. – столетии великих социально-философских теорий и крупномасштабных исторических произведений. Философские системы Гегеля и Маркса, Сен-Симона и Конта заложили фундамент научного осмысления всемирной, но прежде всего европейской истории. В их рамках слагались основания двух наиболее известных моделей объяснения истории: цивилизационного и формационного, нашедших блистательную конкретизацию в трудах корифеев исторической науки XIX в. Макроисторические исследования создавались и в XX в. (О. Шпенглер, А. Дж. Тойнби, Ф. Бродель). Однако они не сделали погоды в бурных водах минувшего столетия. Изведавшие при своем появлении шумный успех, они сравнительно скоро оказывались вне фарватера движения исторической мысли. Особенно драматична судьба Ф. Броделя. Его восторженно встреченная «Материальная цивилизация...», нареченная «эпопеей короля Броделя», еще при жизни ее автора стала объектом сокрушительной критики.

С другой стороны, в некоторых современных макроисторических исследованиях явно обнаруживается парадигмальный разрыв с господствовавшим в XIX в. пониманием единства человеческой истории. В известных книгах А.С. Ахиезера «Россия: критика исторического опыта» и В.П. Булдакова «Красная смута. Природа и последствия революционного насилия» с разных идейных позиций обосновывается положение о чужеродности западной модернизации российской истории с ее патологическим характером, вы-

развившимся в разрушительных циклах, обрекающих страну на бесконечное движение по замкнутому кругу, сопровождающееся яркими вспышками дикого насилия и кровавыми смутами, закрепляющими ее отставание от Запада, и даже, по убеждению А.С. Ахиезера, превращающими Россию в «кризисную точку мировой истории», таящую в себе «катастрофические последствия не только для России, но и для человечества» [1. С. 767–768].

Что же касается макроисторических приоритетов XIX в., то они базировались на твердой уверенности в возможности рационального познания прошлого в его концептуальных основах. «В истории человечества, – утверждал Ф. Гизо, – есть для меня пробелы, огромные пробелы, но тайн для меня нет. Я многого не знаю, миллионы событий мне не известны, но ни одно меня не удивляет» [2. С. 19–20]. Такое убеждение определяло отношение к событиям, изначально неспособным удивить исследователя. Им принадлежала сугубо вспомогательная роль иллюстрации априорно провозглашаемых концептуальных положений. Тем самым исключалось обращение к микроанализу как самостоятельной ветви исторического познания, способной давать новое знание о прошлой действительности. Поэтому умножались пробелы в ее изучении, поскольку отсутствовало понимание необходимости осмысления прошлого на различных уровнях, не только теоретическом, но и эмпирическом.

Вследствие этого упрощалось общее видение исторического процесса, а эпистемологический оптимизм, присущий социально-философской и исторической мысли XIX в., приобретал некоторый поверхностный, исторически не подкрепленный налет, будучи чисто логической конструкцией: историческая перспектива выступала прямолинейной проекцией прошлого и настоящего на будущее. В действительности, однако, даже ближайшее будущее оказывалось далеко не таким радужным, каким оно рисовалось в координатах макроподхода. Поучительный пример тому – творческий кризис Ф. Гизо и всей французской историографии периода Реставрации. Революция 1848 г. перечеркнула ее макроисторически обосновывавшуюся уверенность в близком торжестве единого третьего сословия как выразителя общенациональных интересов. На исторической арене появилось спутавшее все карты «четвертое сословие», громко заявившее о своих социальных претензиях.

Несколько позднее та же участь постигла классический марксизм. У истоков его кризиса на рубеже XIX–XX вв. лежал все тот же макроисторический подход, порождавший исторически не обоснованную интерпретацию социального процесса, воплощенную в известной Марксовой «пятичленке». Ее венчал предпринятый в «Капитале» анализ исторических судеб капитализма, завершавшийся утверждением: «Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют» [3. С. 773]. Увы, этот прогноз оказался плохо совместимым с действительной историей капитализма.

В дальнейшем макроподход утрачивает присущие ему черты предопределенности и финализма. В его трансформации значительную роль сыграли теоретико-методологические поиски и исследовательская практика школы «Анналов». Убежденные приверженцы теории исторического прогресса, «анналисты» сопрягали с нею уверенность, что подлинными творцами исто-

рии являются люди, определяющие ее движение в многообразных формах своей деятельности. Знаменитое блоковское уподобление историка сказочному людоеду, ожидающему добычу там, где пахнет человечиною, стало своеобразным девизом школы «Анналов». Провозглашалась необходимость изучения человека как существа многомерного во всех его ипостасях, иначе, разъятый на части, он погибает. Этому многомерному существу Л. Февр находит точный эпитет: «социальный», который, пишет он, «лишний раз напоминает нам, что предмет наших исследований – не какой-нибудь фрагмент действительности, не один из обособленных аспектов человеческой деятельности, а сам человек, рассматриваемый на фоне социальных групп, членом которых он является» [4. С. 26–27].

Такое понимание предмета истории оставляло известный простор для изучения исторических событий и необходимого для этой цели микроанализа. В методологическом плане значение исторических событий и необходимость их изучения подчеркивал Ф. Бродель. Певец *la longue durée*, которую он образно называл «большими и пологими холмами времени», ученый, однако, добавлял: «История – это и мелкая пыль событий, индивидуальных жизней, тесно между собой переплетенных, – иногда освобождающихся на мгновение, как будто рвутся великие цепи» и заключал: «История – это изображение картины жизни во всех ее проявлениях. Это не «избранное» [4. С. 186]. Благодаря этому открывалась возможность использования необходимого для изучения событий микроанализа, который включался в общую палитру исследовательских методов исследователя. Поэтому в историографической практике «Анналов» не было взаимоисключения макро- и микроподходов.

Особенно интересен опыт Ф. Броделя. Собственно, вся его историко-социологическая концепция глобальной/тотальной истории основывается на тщательном микроанализе множества отдельных сюжетов, составляющих в своей совокупности эту историю. Разъясняя свою позицию, ученый писал: «Круги большого радиуса обычно соответствуют «большой истории»... Когда же сужаете наблюдаемое время до малых промежутков, то получается либо какое-то событие, либо какой-то факт... Иной раз бывает достаточно нескольких забавных историй для того, чтобы разом высветить и показать образ жизни» [5. С. 39]. Книга Ф. Броделя переполнена такими «забавными историями». Но они попадают в поле зрения автора не вследствие своего казусного характера, а потому, что позволяют увидеть за уникальными об- щее, закономерное.

Мастер исторической детали, Ф. Бродель обладал редким даром проникновения в описываемый им мир с такой пронизательностью, что он на глазах читателей оживал, переливаясь всеми красками, позволяя ощущать его во всем многообразии неповторимых явлений, из каковых он состоит. Это методологическое кредо автора «глобальной истории», который, намечая порядок своей работы над вторым томом книги, писал: «Во всяком случае, мы не будем с самого начала замыкаться в рамках общих объяснений. Мы начнем с описания» [6. С. 10–11].

Броделевский опыт является вершиной достигнутого «Анналами» сочетания в историческом исследовании макро- и микроподходов. Приходится, однако, констатировать определенную ограниченность такого сочетания, вытекающую из фундаментальных посылок, на коих базировалась вся «новая историческая наука». При всем значении, уделявшемся детали, единичному, уникальному, их изучение подчинялось высшей цели – выявлению и обоснованию общих закономерностей исторического процесса.

Самостоятельное значение индивидуального и уникального было сформулировано в неокантианской философии истории, перенесшей центр тяжести исторических исследований с сущностей на явления. В ее рамках наиболее взвешенную оценку соотношения индивидуального и общего представил в своем учении об идеальном типе М. Вебер. Основательно фундированное на конкретном историческом материале, оно продемонстрировало свой эвристический потенциал в осмыслении таких остродискуссионных проблем, как, например, типология средневекового города или генезис современного европейского капитализма. Проблема соотношения макро- и микроподходов в изучении истории получила принципиально новую трактовку, став равно далекой как от их противопоставления, так и от абсолютизации полученного посредством каждого из них научного знания.

Веберовская категория идеального типа во многом снимала антитезу в решении ключевого вопроса о том, что лежит в основании исторического процесса – свободная воля людей или не зависящие от нее надысторические силы, поскольку обосновывалось положение, что исторические персонажи в своем сознании и поведении способны так или иначе изменить то силовое поле, в коем они находятся. Ибо закономерность исторического процесса не разумеет его предопределенность. По своей природе она является объективно-субъективной, являясь сложным продуктом взаимопереплетения объективных обстоятельств, в которых происходит деятельность людей, и самой этой деятельности, нарушающей «нормальный ход истории».

Создавая идеально-типическую модель того или иного фрагмента прошлого, исследователь релятивирует свое видение его в соответствии с доминирующими в его время общими философско-историческими и историко-эпистемологическими представлениями, а также не в меньшей мере в силу своих личностных предпочтений и пристрастий. Поэтому реконструкция прошлого всегда включает в себя элемент его конструирования. На микроуровне это выражается в подборе исторических фактов и их интерпретации. Эти две взаимосвязанные операции осуществляются каждым историком соответственно его приоритетам и потому несут на себе неустранимую печать субъективности.

Однако эта последняя подлежит серьезным ограничениям. Прежде всего, внутреннему контролю историка, высшим выражением чего является его «интенция – стремление к правдивости историка, закрепленная в негласном договоре с читателем, ждущим от него не вымысла, а «правдивого рассказа» [7. С. 41, 23]. Иными словами, субъективность подавляется субъективностью же, имеющей выраженное гражданственное звучание. Получаемые таким способом результаты должны находиться в поле научного знания и верифи-

цироваться научными средствами. Здесь проходит демаркационная линия, разделяющая научное познание и постмодернистское «уничтожение истории». Она же отделяет социальную эффективность исторического знания от псевдонаучных спекуляций на любую злободневную тему, характерную для рассматриваемой прошлую реальность как «референциальную иллюзию» постмодернистской методологии.

Своего рода «моментом истины», прояснившим социально деструктивные последствия этой методологии, стал известный «спор историков» в ФРГ [8], получивший широкий общественный резонанс, в особенности в той его части, которая была посвящена так называемому окончательному решению «еврейского вопроса». Одним из его результатов стала дискредитация постмодернизма в общественном мнении. Объясняя, почему это произошло, П. Рикёр пишет: «От бесконечного и беспредметного спора с постмодернизмом историки перешли к вопросу опасному, но совершенно конкретному: как писать о Холокосте, о Шоа (эквивалент термину Холкост на иврите. — Б. М.), этом главном событии середины XX в.» [7. С. 37]. Здесь-то и обнаружилась своя несостоятельность постмодернистская методология, берущая под подозрение любой исторический нарратив и поэтому опасно сближающаяся с позицией тех, кто называет Холокост «официальной ложью».

Поставленный с такой остротой вопрос о социальной ответственности истории проливает новый свет на рассматриваемую проблему. Макро- и микроисторический походы сопоставляются в интерпретации определенного явления, в данном случае Холокоста. Здесь в силу своей конкретности предпочтителен микроанализ взамен общих суждений. Только благодаря такому анализу интерпретация данного явления становится убедительной и одновременно позволяющей рассматривать его в макроисторической перспективе. Сказанное относится, разумеется, не только к Холокосту.

Разработанная М. Вебером теория и практика идеально-типического моделирования означала прорыв в историческом мышлении, наметив осевые линии, связывающие изучение микро- и макромира. В реконструируемой им картине мироустройства базовым было понятие рациональности. Мир М. Вебера на всех его уровнях был рациональным, жестко скрепленным рациональными обручами. Строго рациональными были и пути познания этого мира. Даже такое, по-видимому, иррациональное явление, занимающее фундаментальное положение в его концепции генезиса современного капитализма, как «дух капитализма», обретает рациональную интерпретацию. М. Вебер указывает на протестантизм, позволивший синтезировать присущие европейскому развитию рациональные начала, и продолжает: «Еще важнее было другое: религиозная оценка неутомимого, постоянного, систематического мирского профессионального труда как наиболее эффективного аскетического средства и наиболее верного и очевидного утверждения возрожденного человека и истинности его веры неминуемо должна была служить могущественным фактором в распространении того мироощущения, которое мы здесь определили как «дух» капитализма» [9. С. 198].

М. Вебер представил оптимальный для своего времени опыт взаимопереплетения в историческом исследовании макро- и микроанализа. Дальней-

ший шаг в этом направлении связан с «антропологическим поворотом». Заметим, что в своем очерке генезиса современного европейского капитализма М. Вебер указывал на значительные успехи антропологии, но признавал, что, несмотря на это, «в настоящее время он не видит пути для того, чтобы точно определить или даже положительно выяснить вклад антропологии в намеченном здесь (т.е. в авторской концепции. – Б. М.) направлении – ни степень ее возможного влияния, ни характер и форму ее воздействия» [9. С. 59]. Такая возможность появилась позднее. Тогда как М. Вебер оперировал только категориями рационального мышления, современная наука открыла глубокий пласт иррационального, мотивирующего чувства и поведения как отдельных индивидов, так и, в особенности, масс.

В этом ракурсе привлекает внимание изучение проблематики бессознательного в истории, сопряженное с переходом в исследовательской практике от междисциплинарного анализа к полидисциплинарной комплементарной технологии. Ее суть хорошо проясняет разработанная И.Ю. Николаевой и эффективно применяемая ею и ее учениками в изучении конкретных проблем российской и западноевропейской истории теория методологического синтеза. Она строится в соответствии со строгими критериями отбора комплекствующих ее концептов и методов, наработанных в смежных дисциплинах, позволяющих достичь внутреннюю когерентность используемого инструментария этих дисциплин и его совместимость с отобранными для изучения конкретной исторической проблемы историческими теориями и методами.

Под этим углом зрения И.Ю. Николаева обращается к современным теориям бессознательного, подчеркивая, что их авторы, исходя из разных методологических посылок, создали исследовательские стратегии, имеющие некий общий фокус. «Этот фокус, – пишет она, – бессознательное, понимаемое, интерпретируемое и анализируемое как не осознаваемая, но четко упорядоченная историческим стилем жизни общества социально-психологическая матрица установок в поведении людей, формирующаяся в контексте исторического опыта поколений, социальных слоев и отдельных личностей» [10. С. 19].

На основе теории методологического синтеза качественно иной, ментальной, уровень приобрела проблема соотношения макро- и микроподходов в историческом исследовании. На этом уровне всякое историческое событие принадлежит одновременно также макромиру. Изучая ментальность участвующих в этом событии людей, мы помещаем его в широкую макроисторическую перспективу, что позволяет нащупать болевые точки долговременного развития социума. Сошлюсь на исследование И.Ю. Николаевой единичного гендерного казуса – полуанекдотического случая, произошедшего в 1860-е гг. в одном из сел Воронежской губернии со снохачами. Многочисленные попытки крестьян водрузить новый колокол неизменно оканчивались неудачей, пока местный дьяк, порешив, что колокол не поднимался из-за большого числа грешников среди прихожан, потребовал, чтобы из толпы вышли снохачи. Неожиданно в сторону отошла почти половина собравшихся, после чего колокол был водружен на колокольню. Свою интерпретацию этого казуса И.Ю. Николаева впервые обосновала в вызвавшем оживленную дискуссию докладе на одной из всероссийских конференций в Томске (2003).

Оставляя в стороне все перипетии ее изящной интерпретации, подчеркну, что она носит системный характер, позволяющий верифицировать казус со снохачами в широком макроисторическом контексте (теория модернизации). Под пером И.Ю. Николаевой казус со снохачами становится отправной точкой исследования ментальности русского крестьянства, высвечивающего ее характерные особенности и выводящего полуанекдотический случай в сферу большой политики. Выступающая в нем система крестьянских гендерных ментальных установок свидетельствует об их изоморфной природе с политическими установками. Ибо речь идет об авторитарной структуре сознания с присущими ему императивностью идеала и одновременно страха перед ним. Прозрачно выступающая в рассматриваемом казусе логика этого сознания, пишет И.Ю. Николаева, «позволяет обнаружить параллель комплексу ментальных установок крестьян в отношении к власти, авторитету в политическом смысле» [11. С. 112].

Важное методологическое значение имеет авторское указание на механизм, посредством которого осуществляется включение единичного явления в макроисторическую связь. «Лишь с помощью постоянных, «челночных» движений, – указывает И.Ю. Николаева, – от макроисторической гипотезы к анализируемому микроисторическому явлению или казусу, и опять к большому плану, уточненному и проблематизированному этим материалом, и так до бесконечности – можно приблизиться к пониманию сути сходства и различия модернизационных моделей» [11. С. 116]. Иначе говоря, постулируется взаимообусловленность конкретно-исторического и теоретического подходов и, соответственно, одновременное обращение к разным скоростям социально-исторического времени.

Эффективность такой исследовательской стратегии демонстрирует реконструкция малозначительного события, случившегося в Воронежской губернии, как явления системного ряда, характеризовавшего происходившие в России модернизационные процессы вплоть до революционных потрясений начала следующего столетия и советского периода. Базовый для архаического сознания комплекс, определяющий мутации присущих ему мифологем типа «царь-батюшка», И.Ю. Николаева прослеживает в феномене «страхалюбви» к Сталину, мифологемы «отца народа» и т. п. Тем самым рассматриваемая методология позволяет углубить понимание продолжающей оставаться актуальной проблемы предпосылок, причин и природы Русской революции. Далекая от политической и идеологической ангажированности, она помогает разглядеть ее важные черты, коренящиеся в глубинных пластах архаического сознания: с одной стороны, относительная легкость победы революции, а с другой, – ее кровавый характер, сопровождавшийся вытеснением одних мифологем другими, но также вытекавших из авторитарной структуры массового сознания.

Достигнутый современной наукой уровень органического слияния на новых эпистемологических основаниях макро- и микроподходов в исследовании повышает научную строгость исторического дискурса, его убедительность и верифицируемость. История приближается к своей давнишней цели,

некогда сформулированной Г.Т. Боклем [12. С. 4.]: статья такой же точной дисциплиной, как естественные науки.

Литература

1. *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта. Т. I: От прошлого к будущему. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск, 1997.
2. *Далин В.М.* Историки Франции XIX–XX веков. М., 1981.
3. *Маркс К.* Капитал. Т. I. Глава 24 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23.
4. *Февр Л.* Бои за историю. М., 1991.
5. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1: Структуры повседневности. М., 1986.
6. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 2: Игры обмена. М., 1988.
7. *Рикёр П.* Историописание и репрезентация прошлого. Памяти Франсуа Фюре // *Анналы на рубеже веков: Антология.* М., 2002.
8. *Черкасов Н.С.* ФРГ: «спор историков» продолжается // *Новая и новейшая история.* 1990. № 1.
9. *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990.
10. *Николаева И.Ю.* Проблема методологического синтеза и верификация в истории в свете современных концепций бессознательного. Томск, 2005.
11. *Николаева И.Ю.* Ментальность гендерного казуса в свете теории модернизации // *Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории: теория, историография и практика конкретных исследований.* М., 2004
12. *Бокль Г.Т.* История цивилизации в Англии: В 2 т. СПб., 1896. Т. I.